

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-793-809>

Научная статья / Research article

Киргизская антиисламская миссия Оренбургской епархии (90-е гг. XIX – начало XX в.)

Ю.А. Лысенко^а, М.Н. Ефименко^б

^аАлтайский государственный университет; 656023, Россия, Алтайский край, Барнаул, проспект Ленина, д. 61; iulia_199674@mail.ru

^бОренбургский государственный педагогический университет; 460014, Россия, г. Оренбург, ул. Советская, д. 19; efimenkom@mail.ru

Аннотация: В статье в контексте истории институционального развития Русской православной церкви в центральноазиатских окраинах Российской империи анализируется процесс создания ее миссионерских структур в Оренбургской епархии. На основе широкого круга делопроизводственной документации Оренбургской епархии, выявленной в Государственном архиве Оренбургской области и в материалах епархиального периодического издания – Оренбургских епархиальных ведомостях, определены причины создания регионального комитета Православного миссионерского общества и Киргизской миссии, этапы их деятельности, особенности организации православного миссионерства среди казахов Уральской и Тургайской области; реконструированы направления работы служащих миссий, связанные с формированием системы миссионерского школьного образования и закреплением православных начал у новокрещенных кочевников. Авторы статьи выявили, что основной причиной организации в 90-е гг. XIX в. миссионерской работы Русской православной церкви в степи стала необходимость исключения казахов из процессов всероссийской мусульманской консолидации. Вариантом стратегии, который избрало российское государство для осуществления контроля за регионами с плотным проживанием «инородцев», стал механизм аккультурации, который давал возможность реализации контролирующих функций через включение нерусских народов в культурно-религиозное русско-православное пространство. Однако в ходе решения данных задач служащим Киргизской миссии пришлось столкнуться с целым спектром объективных препятствий – особенностями этнопсихологии казахов, исключающей возможность восприятия ими христианских догм, наличием в Уральской и Тургайской степи хорошо профинансированного исламского миссионерства; слабым развитием церковно-приходской системы и недостаточным финансированием государством миссионерской работы, смещением в результате крестьянского переселения в регион акцентов в работе служащих Киргизской миссии, вынужденных наряду с миссионерскими функциями исполнять обязанности приходских священников. Все это дает основанием авторам статьи сделать вывод о низкой эффективности работы православных миссионерских структур среди казахов Оренбургской епархии.

Ключевые слова: православие, ислам, миссионерство, казахи, Миссионерское общество, церковно-школьное строительство

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено за счет средств Российского научного фонда (проект № 19-18-00180).

Для цитирования: Лысенко Ю.А., Ефименко М.Н. Киргизская антиисламская миссия Оренбургской епархии (90-е гг. XIX – начало XX в.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 4. С. 793–809. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-793-809>

The Kyrgyz Anti-Islamic Mission of the Orenburg Diocese (1890s to early 20th century)

Yuliya A. Lysenko^a, Marina N. Efimenko^b

^aAltai State University; 61, Lenin Ave., Barnaul, Altai territory, 656023, Russia;
iulia_199674@mail.ru

^bOrenburg State Pedagogical University; 19, Sovetskaya St., Orenburg, 460014, Russia;
efimenkom@mail.ru

Abstract: As a contribution to the history of the institutional development of the Russian Orthodox Church in the Central Asian parts of the Russian Empire, the present article analyzes the emergence of missionary structures in the Orenburg diocese. The research is based on a wide range of administrative documents of the Orenburg diocese (preserved in the State Archive of the Orenburg region), and on materials published in the Orenburg Diocesan Gazette. The contribution explores the reasons for the creation of the regional Committee of the Orthodox Missionary Society and the Kyrgyz Mission, and identifies the stages of their activities. It also highlights the features of the organization of Orthodox missionary work among the Kazakhs of the Urals and Turgay regions. The authors argue that Orthodox missionary work in the Steppe was meant to exclude the Kazakhs from the ongoing all-Russian Muslim consolidation. The strategy that the Russian state chose to control regions with a dense inorodtsy (non-Russians) population was acculturation, to control the respective populations by including them into the cultural and religious Russian-Orthodox space. On the spot, however, the officials of the Kyrgyz Mission faced a whole range of obstacles, including particular attitudes of the Kazakhs about aspects of the Christian dogma. Also, there was already well-funded Islamic missionary work in the Ural and Turgai steppes. The Orthodox parish system remained weak, and state financing of missionary work was considered insufficient. The resettlement of peasants into the region required that employees of the Kirghiz mission changed their emphasis from missionary work to the ordinary duties of parish priests. All this allows the authors to conclude that the efficiency of Orthodox missionary structures among the Kazakhs of the Orenburg diocese was low.

Keywords: Orthodoxy, Islam, Kazakhs, Missionary Society, parish schools

Acknowledgements and Funding: The research was carried out at the expense of the Russian Science Foundation (project No. 19-18-00180).

For citation: Lysenko, Yuliya A., and Efimenko, Marina N. "The Kyrgyz Anti-Islamic Mission of the Orenburg Diocese (1890s to early 20th Century)." *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 4 (November 2020): 793–809. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-793-809>

Введение

Завершившееся во второй половине XIX в. присоединение к России крупнейших мусульманских регионов (Степной край, Туркестан и Кавказ) кардинальным образом изменило этноконфессиональную структуру государства. Ислам стал второй по численности адептов религией в империи. В 70–80 гг. XIX в. наметились новые тенденции жизни мусульманских общин России, характеризовавшиеся политизацией ислама и зарождением общероссийского мусульманского движения. Реакцией российской политических кругов на данные процессы стало четкое убеждение в необходимости создания универсальной модели управления национальными окраинами, способной обеспечить территориальную целостность государства. Ее составляющими стали лояльность к этноэлитам и сотрудничество с ними, сохранение в этнорегионах относительной автономии, отрицание связи между национальным и социальным статусом иноверцев, создание некоторых преимуществ в правовом положении инородцев империи по сравнению с русским¹.

---

¹ Миронов Б.Н. Историческая социология истории. СПб., 2009. С. 41–44.

Вариантом стратегии, который избрало российское государство для осуществления контроля за регионами с плотным проживанием «инородцев», становится механизм аккультурации, который давал возможность осуществления контролируемых функций, например, в мусульманской среде, через включение нерусских народов в культурно-религиозное русско-православное пространство.

Однако следует учесть, что аккультурация, как справедливо отмечает С.В. Любичанковский, не предполагает культурную унификацию российских этносов, а представляет собой «организуемое властью культурное влияние в рамках единого государственного организма, ставящее целью создать из новоприсоединенных народов лояльных имперских подданных без утраты ими этнической и религиозной идентичности, с возможностью обратного влияния со стороны этих народов на культурный код империи»².

Аккультурацию можно рассматривать как механизм включения различных инокультурных сообществ в пространство государства, который позволяет, с одной стороны, сохранить внешнюю целостность и внутреннюю стабильность большой империи в ее поликультурном, полиэтничном и поликонфессиональном состоянии; с другой стороны, этот стратегический вариант позволял проследить не только характер влияния центра на регионы, но и выявить обратное влияние регионов на политику центра, а также проследить процесс взаимовлияния культур³.

В системе этноконфессиональной политики России большое внимание отводилось казахам Оренбургского ведомства. По мнению ряда чиновников, распространение ислама среди них объективно препятствовало их единению с русским православным народом. Поэтому концепты «казахи – плохие мусульмане» и «пока не фанатичны» выступили основой политики государства в степи. Целесообразной признавалась необходимость их исключения из процессов всероссийской мусульманской консолидации и интеграции. Практические шаги в данном направлении, как известно, нашли выражение в изъятии духовных дел кочевников из компетенции Оренбургского мусульманского духовного собрания, снижении социального статуса мусульманского духовенства, сдерживании процесса открытия мусульманских культовых и образовательных учреждений в степи, паломничества к святым местам. Важным шагом в решении задач русификации казахов стало принятие решения об открытии Православной духовной миссии.

Миссионерская деятельность Русской православной церкви, история ее внутренних и внешних миссий детально представлена в исследованиях дореволюционного периода. В освещении вопросов, связанных с данной проблематикой, сформировалось три самостоятельных направления. Представители первого исследовали ход, методы и результаты православной пропаганды в регионах компактного проживания мусульман Российской империи. Второе направление было представлено трудами по изучению миссионерства среди языческого населения Сибири. Ученые третьего направления акцентировали внимание на борьбе Русской православной церкви со старообрядчеством и сектантством⁴. Начальный этап миссионерства Русской православной церкви среди казахов Уральской и Тургайской областей пред-

² Любичанковский С.В. Политика аккультурации средствами просвещения исламских подданных Российской империи: исторический опыт Оренбургского края (середина XIX – начало XX вв.). Оренбург, 2018. С. 5.

³ Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М., 2010. С. 6.

⁴ Ильминский Н.И. О системе просвещения инородцев и о Казанской Центральной крещено-татарской школе. Казань, 1913; Лебедев Е.Е. Единоверие в противодействии русскому обрядовому расколу. Новгород, 1904.

ставлен в трудах дореволюционного исследователя истории Оренбургской епархии Н.М. Чернавского⁵.

В советской историографии проблемы истории Русской православной церкви в целом и вопросы православного миссионерства в частности рассматривались с позиции марксистско-ленинской методологии, которая предполагала только критический подход к оценке деятельности РПЦ и резко негативные суждения о ее роли в истории неправославных народов России. Церковь рассматривалась как «служанка царизма» в трудах Н.Н. Никольского, А.И. Клибанова, Н.П. Красникова, П.Н. Зырянова и др.⁶ Миссионерская деятельность РПЦ также исследовалась сквозь призму идеологической ангажированности. Духовные миссии определялись как средство русификации аборигенного населения российских окраин, уничтожающее их традиционную культуру⁷. Однако в 70-е гг. XX в. в трудах по региональной истории Русской православной церкви и ее миссионерства появляется положительная оценка форм и методов работы как отдельных миссионеров, так и духовных миссий с местным неправославным населением⁸.

В 90-е гг. XX в. отечественная историческая наука вступила в новый период своего развития, связанный с коренной трансформацией российского общества, в том числе и в области источниковой базы и методологических оснований научных исследований. История Русской православной церкви и ее миссионерская деятельность выступили предметной областью исследований российских историков⁹. Православное миссионерство стало рассматриваться как составная часть имперской интеграционной политики в отношении инородцев. В связи с этим самостоятельным направлением историографии стало изучение комплексной истории отдельных православных миссий, различных аспектов их деятельности – научно-исследовательской, переводческой, книгоиздательской, просветительской, благотворительной¹⁰.

История миссионерства РПЦ в центральноазиатском регионе представлена в трудах ряда современных отечественных и зарубежных исследователей. Однако в данных работах преобладающим является анализ миссионерства в срезе антимусульманской, антистарообрядческой, антисектантской деятельности РПЦ. Имеются исследования по истории православного миссионерства в Оренбургской епархии, в котором рассматривается проблема создания и основных направлений деятельности Киргизской миссии в Тургайской и Уральской областях¹¹. В то же время отдельного исследования применительно к локальному региону, а именно миссионер-

⁵ Чернавский Н.М. История Оренбургской епархии в прошлом ее и настоящем. Оренбург, 1904.

⁶ Никольский Н.М. История русской церкви. М. – Л., 1931; Клибанов А.И. История религиозно-госектантства в России (60-е гг. XIX – начало XX в.). М., 1965; Красников Н.П. Социально-этические воззрения русского православия в XX веке. Киев, 1988; Зырянов П.Н. Православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1984.

⁷ Смирнов Н.А. Миссионерская деятельность церкви (вторая половина XIX в. – 1917 г.) // Русское православие: вехи истории. URL: http://books.atheism.ru/files/russkoe_pravoslavie.html (дата обращения: 14.02.2020).

⁸ Шорохов Л.П. Церковь в Сибири в конце XVI–XVIII вв. Новосибирск, 1971; Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск, 1975; Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX вв.). Иркутск, 1986; Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX вв.). Иркутск, 1986.

⁹ Прозич Т. Культурная гегемония, религия и Русская революция 1917 года // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. № 1–2. С. 622–642.

¹⁰ Есикова Е.М. Николай Сейфуллин – священник-миссионер Оренбургской епархии рубежа XIX–XX вв. // Макарьевские чтения. Горно-Алтайск, 2006. С. 46–54; Лысенко Ю.А. Миссионерство Русской православной церкви в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX в.). Барнаул, 2010; Софронов Ю.В. Три века сибирского миссионерства. Тобольск, 2005. 287 с.

¹¹ Есикова Е.М. Миссионерская деятельность Русской православной церкви среди нехристианского населения Оренбургской епархии: 1859–1917 гг. Челябинск, 2010.

ству среди казахов Оренбургского ведомства, не проводилось. Таким образом, в представленной статье будет предпринята попытка системного анализа причин организации православного миссионерства в отношении казахов Оренбургского ведомства, институционального развития Православной миссии Оренбургской епархии, направлений ее деятельности и результатов.

Источниковой базой статьи выступили делопроизводственные документы Оренбургской епархии, Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества, Киргизской миссии Оренбургской епархии, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве и Государственном архиве Оренбургской области (в их числе постановления миссионерских съездов, распоряжения, циркуляры епархиальных властей, протоколы заседаний, отчеты миссий, переписка по широкому кругу вопросов организации и совершенствования миссионерской работы среди казахского населения).

Методологической основой статьи является цивилизационный подход, в рамках которого Российская империя и казахское традиционное общество рассматриваются как две цивилизации – оседлая/земледельческая и кочевая /скотоводческая с присущим каждой из них специфическим набором цивилизационных констант, в том числе в ментально-мировоззренческой сфере. Миссионерскую деятельность Русской православной церкви среди казахов Оренбургского ведомства в рамках данного подхода предлагается анализировать как форму межцивилизационного взаимодействия, инициированную Россией.

Методологическим основанием исследования также становится концепция аккультурации как одно из направлений теории «новой истории империи». Даная концепция позволяет рассматривать влияние Российской империи на общую культуру, формы хозяйствования, образование, религию нерусских этносов, проживающих на национальных окраинах. Аккультурационный подход в силу своей универсальности может быть применен и применяется как в отношении взаимодействия и культурного взаимовлияния конкретных народов и отдельных регионов в пространстве Российской империи, так и при выявлении направлений внутренней и внешней политики имперских властей по отношению к населяющим империю народам. Среди конкретно-исторических методов, использованных при подготовке статьи, выступили историко-генетический и историко-сравнительный методы. Первый из них был нацелен на выявление причин организации православного миссионерства в казахской степи. Историко-сравнительный метод позволил выявить общие и отличительные тенденции организации и проведения религиозной пропаганды среди казахского населения.

Становление Киргизской православной миссии Оренбургской епархии

Как указывалось выше, главной причиной, побудившей правящую элиту инициировать в 70-е гг. XIX в. процесс создания Православной миссии в Уральской и Тургайской областях Оренбургского края, стал процесс исламизации казахского общества и его интеграции в общероссийское мусульманское движение. В результате перед Русской православной церковью и Оренбургской епархией ставилась задача создания системы противовесов дальнейшему укреплению позиций ислама среди кочевников посредством организации антимусульманской пропаганды. Данные функции были возложены на Оренбургский епархиальный комитет Православного миссионерского общества, созданный в ноябре 1875 г.

Следует отметить, что к моменту открытия Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества у Русской православной церкви был накоплен значительный опыт организации и проведения православного миссионерского просвещения инородцев Российской империи. Так, в 1771 г. была созда-

на Осетинская духовная миссия, в 1830 г. – Алтайская духовная миссия, 6 миссий с 1870-х гг. действовали в Сибири – Енисейская, Тобольская, Иркутская, Якутская, Забайкальская, Камчатская.

Открытие Киргизской православной миссии в Оренбургском крае в 70-е гг. XIX в. совпало по времени с новым этапом миссионерской деятельности Русской православной церкви среди инородцев Российской империи. Миссионерству данного периода стал присущ целый набор признаков, значительно отличавших его от предыдущих этапов. Во-первых, пропаганда христианских идей приобрела политическое звучание и стала представлять собой продуманную и взвешенную политику государства. Последнее взяло на себя функции по ее организации, координации и финансированию. Во-вторых, к середине XIX в. в Оренбургском крае, в том числе на территории Уральской и Тургайской областей, была создана относительно развитая институциональная структура РПЦ – Оренбургская епархия, которая после разделения с Уфимской епархией (1859 г.), приобрела не только новые географические очертания, но и получила возможность создать более слаженную благочинническую и приходскую системы и собственные административные центры духовного руководства, что дало возможность систематизировать миссионерскую деятельность, организовать контроль над ней со стороны епархиального архиерея и подконтрольных ему органов, а также привлечь к ее организации и государственные ресурсы.

В-третьих, с середины XIX в. происходил процесс бюрократизации миссионерской деятельности РПЦ, выразившийся, прежде всего, в создании миссионерских антиисламских, антистарообрядческих и антисектантских структур. В 1865 г. было создано Православное миссионерское общество, выступившие координатором миссионерства не только в Российской империи, но и за ее пределами. По его инициативе и финансовой поддержке осуществлялась целенаправленная работа по открытию новых миссий в инородческих и иноверческих регионах страны.

Бюрократизация миссионерской деятельности РПЦ нашла отражение и в ведении ежегодной и ежеквартальной отчетности православных миссионеров о своей деятельности. Работа служащих миссий была поставлена в жесткие рамки должностных инструкций. Например, инструкцией Оренбургского комитета Православного миссионерского общества служащие Киргизской миссии обязывались осуществлять поездки по русским заимкам и казахским аулам с целью проповеди слова Божьего. После каждой поездки они обязаны были предоставлять в Епархиальный миссионерский комитет через областного миссионера краткий дневник, «изобразив в нем, что он в миссионерском отношении сделал в приходе», а также «предоставлять областному миссионеру к 20 июня и 15 декабря полугодичные и годичные краткие отчеты: а) по миссии вообще, б) по школам, в) по миссионерским церковно-приходским братствам, г) по церковно-приходским обществам трезвости»¹². Окружные миссионеры в своей деятельности должны были следовать «Общим правилам по устройству миссии», принятым на Всероссийских миссионерских съездах, прошедших в 1888, 1908 гг., а также указаниями епархиального миссионера. Немаловажным был и тот факт, что с середины XIX в. служащие миссий стали получать жалование от Синода и миссионерских структур.

В-четвертых, работа по организации православного миссионерства в Уральской и Тургайской областях значительно осложнялась незначительной численностью православной общины в регионе, преобладанием старообрядческих общин у казаков Уральского и Оренбургского казачьих войск. Сложность данной ситуации наиболее ярко была отражена в отчете священника Ф.Д. Соколова, который по по-

¹² Государственный архив Оренбургской области (далее – ГАОрО). Ф. 175. Оп. 2. Д. 12. Л. 7–8.

ручению Оренбургского комитета Православного миссионерского общества совершил в 1892–1893 гг. поездку в тургайскую степь. В отчете священник представил достаточно много свидетельств культурной и религиозной аккультурации русского населения казахским. «Дети, – по свидетельству Ф. Соколова, – растут в полном неведении своей веры родной, но и народности, и совсем окиргизиваются. ...Даже взрослые из них – лет 16–17 не знают молитв и перекреститься не умеют, и крестов и поясов не носят, говорят по-киргизски, в землянках сидят в шапках, и вообще ничем не отличаются от киргизят»¹³. По мнению Ф. Соколова, данная ситуация была обусловлена отсутствием в регионе разветвленной приходской системы, нужного количества православных храмов и профессионально подготовленных священников¹⁴.

Таким образом, можно утверждать, что деятельность Оренбургского епархиального комитета осуществлялась в новых для православного миссионерства реалиях времени. Это, безусловно, наложило отпечаток на характер его работы и степень эффективности.

Структурная организация православного миссионерства среди казахов Оренбургского края

Указ Синода о создании Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества был подписан в ноябре 1875 г. Его руководство планировало сосредоточить свою деятельность исключительно на создании в епархии «антиисламской» миссии для работы среди казахского кочевого населения Уральской и Тургайской областей, и Комитет пошел по пути отказа от миссионерства среди сектантов, раскольников, язычников Оренбургской епархии¹⁵.

Однако очень скоро служащим Киргизской миссии пришлось столкнуться с ситуацией, описанной священником Ф. Соколовым по итогам его поездки в тургайскую степь. При отсутствии переселенческих участков большинство русских крестьян-переселенцев были вынуждены арендовать землю у казахов-скотоводов и селиться в отдаленных аулах. Следствием прочных и многолетних контактов двух этносов становилась религиозная аккультурация казахами русских крестьян. Поэтому определенную ранее цель деятельности Киргизской миссии пришлось скорректировать. Помимо усилий, направленных на пресечение дальнейшего распространения ислама среди казахов, важное внимание уделялось расширению религиозности среди православных крестьян-переселенцев.

Констатируя процесс «окиргизивания переселенцев», миссионеры писали в своих отчетах о том, что эти люди забывают православные храмы, отдают своих детей «учиться у мулл магометанскому вероучению»¹⁶. Необходимую пастырскую помощь в деле укрепления веры как крещеных «инородцев», так и православных переселенцев могли оказать профессиональные священнослужители, обладавшие не только крепостью веры, знанием христианского богословия, но и знанием «инороднических» языков (татарского, казахского, киргизского, башкирского), особенностей «инороднической» культуры и основ исламской теологии, вплоть до знания текстов Корана.

Не вызывало сомнения, как писали «Оренбургские епархиальные ведомости», что «православное духовенство обладает особенно высокими нравственными качествами, дабы повлиять на иноверные населения», однако имело место опасение в

¹³ ГАОрО. Оп. 1. Д. 8. Л. 20 об. – 21 об.

¹⁴ Там же. Д. 183 а. Л. 267 об.

¹⁵ Там же. Д. 5 а. Л. 2.

¹⁶ Отчет Оренбургского епархиального комитета Православного Миссионерского Общества за 1893 год // Оренбургские епархиальные ведомости. 1894. № 20. С. 251.

том, что духовные лица при недостаточной профессиональной подготовке, оказавшись на месте миссионеров скорее по необходимости, чем по личным возможностям, «оказываются нередко несоответствующими своему назначению» вплоть до того, что сами нередко забывали свою веру среди иноверного населения¹⁷.

Поэтому достаточно остро встал вопрос о подготовке священнослужителей «к особому служению, чтобы не только трудиться на поприще обращения в веру, но и поддерживать ее среди христиан»¹⁸.

Большие надежды в этом отношении возлагались на выпускников Оренбургской духовной семинарии, которая с момента открытия (1884 г.) ориентировала своих учащихся на активную миссионерскую деятельность. С целью создания хорошо подготовленного корпуса миссионеров в семинарии был принят шестилетний учебный план, адаптированный к особенностям края с «иноверческим» населением. В предметную область обучения вводилось изучение арабского, татарского, казахского языков, истории ислама и его вероучения, а также специальные предметы по обличительному богословию в отношении исламских догматов.

Профессиональной подготовке потенциальных миссионеров способствовала и библиотека семинарии. В 1894 г. ее фонды (фундаментальный и ученический) помимо необходимой христианской литературы насчитывали 1429 томов противораскольнической и противомусульманской литературы. Ежегодно выделялись денежные средства на пополнение миссионерского раздела библиотеки; из них 150 руб. выделялись на содержание противомусульманского раздела фундаментального фонда и 50 руб. – фонда ученического¹⁹.

С 1912 г. при Оренбургском Архиерейском доме функционировала двухгодичная пастырско-миссионерская школа, куда ежегодно на обучение поступало 20 человек из числа всех сословий (клирики только Оренбургско-Тургайской епархии, миряне – только проживавшие в Оренбургской губернии и Тургайской области) «с добрым прошлым, удостоверенным их прямым начальством, церковные, безусловно трезвые и некурящие»²⁰. Выпускники школы, особенно те, кто проявил прилежание в изучении татарского и казахского языков, направлялись для работы в станы Киргизской миссии.

Диверсификация работы служащих Киргизской миссии была отражена в должностной инструкции, разработанной в 1897 г. Оренбургским комитетом Православного миссионерского общества. Первый параграф «Инструкции» обязывал миссионера «делать возможно частые разъезды со словом проповеди, посещая русские заимки и в одиночку разбросанные русские селения по киргизским степям и аулам... знакомя с истинами веры Христовой и пагубности и ложности мухамеданства». Пропаганду православия среди казахов миссионерам рекомендовалось проводить завуалировано, «не явно» и «при удобном случае», во время встреч на пути к русским поселкам. Таким образом, миссионерство среди коренного населения степи становилось второстепенным, основное внимание миссионеры концентрировали на православных жителях Уральской и Тургайской областей. В рамках «Инструкции» в течение года миссионер Киргизской миссии обязывался совершать не менее пяти поездок по степи и предоставлять в Оренбургский епархиальный комитет Православного миссионерского общества отчеты. Должностной обязанностью

¹⁷ К 10-летию Оренбургской духовной семинарии // Оренбургские епархиальные ведомости. 1894. № 19. С. 319.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Панов П. Миссионерское служение Оренбургской духовной семинарии: история и современность // Сборник трудов Якутской духовной семинарии. 2019. № 6. С. 57.

²⁰ Условия приема в пастырско-миссионерскую школу при Оренбургском Архиерейском доме на 1914–15 учебный год // Оренбургские епархиальные ведомости. 1894. № 9. 15 сентября. С. 85–87.

служащих Киргизской миссии также являлась работа, связанная с развитием церковно-приходской и церковно-школьной системы в крае, с созданием различных общественно-религиозных организаций, обществ трезвости, вечерних классов для взрослых, приходских библиотек²¹.

Решение о создании Киргизской миссии с центром в г. Кустанай было принято Оренбургским епархиальным комитетом Православного миссионерского общества в 1893 г. Ее руководителем стал священник Одигитриевский, которого в 1895 г. на этой должности заменил священник Ф. Соколов.

Священники-миссионеры, разъезжая по киргизским аулам, проповедовали местным «инородцам» и «окиргизившимся» переселенцам Священную историю христианской церкви, объясняли символическое значение крестного знамения и разубеждали в истинности искаженного мусульманскими «учителями» представления о его происхождении. В своем общении с населением священники способствовали не только становлению или укреплению христианской веры, но и введению местных народов в правовое и образовательное пространство государства. В ответ на утверждения, «что достаточно знать только веру мусульманскую», миссионеры объясняли пользу от знания русского языка, «практическую пользу русского образования», убеждали в практической пользе знания «царских законов», которое «не позволит всяким плутам обманывать и пользоваться их собственностью» и поможет «правильно вести собственное хозяйство»²².

Общение с христианами-переселенцами заключалось не только в поддержании их православного духа, но и в том, что из их числа немало рекрутировалось тех, кто мог «потрудиться в простоте сердца своего на пользу христианства», как, например, «русские, живущие в киргизской степи, знающие киргизский язык и русско-православную грамоту», находящиеся в тесном общении с «инородцами»²³.

В своей практической деятельности служащие Киргизской миссии уделяли первоочередное внимание организации станов миссии, на территории которых новокрещенные казахи получали земельные наделы и таким образом, возможность перехода на оседлый образ жизни. Данное обстоятельство рассматривалось как важный шаг на пути русификации скотоводов.

Всего в Тургайской области было открыто три стана Киргизской миссии: в 1893 г. – в п. Макарьевский под г. Кустанаем²⁴, в 1897 г. – в п. Александровский Кустанайского уезда²⁵, в 1897 г. – в г. Актюбинске²⁶. В Уральской области с 1900 по 1908 гг. функционировал один Чиликтинский стан²⁷. В 1908 г. он вместе с Уральской областью был передан в распоряжение Самарской епархии.

Успешность религиозно-культурной ассимиляции новокрещенных казахов, оседавших в станах Киргизской миссии, должна была обеспечить специальная Комиссия, решение о создании которой Оренбургский епархиальный комитет Православного миссионерского общества принял в 1894 г. Четыре года Комиссия оказывала православным казахам материальную поддержку, субсидируя строительство стационарных жилищ, приобретение сельскохозяйственных орудий труда, продук-

²¹ ГАОрО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 12. Л. 7–10.

²² К 10-летию Оренбургской духовной семинарии // Оренбургские епархиальные ведомости. 1894. № 20. С. 281.

²³ Соколов В. Православный миссионер в киргизских аулах Тургайской области // Оренбургские епархиальные ведомости. 1894. № 10. С. 237.

²⁴ Оренбургские епархиальные ведомости. 1907. № 43. 25 октября.

²⁵ ГАОрО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 5. Л. 55–56 об.

²⁶ Там же. Д. 11 а. Л. 2.

²⁷ Там же. Д. 5. Л. 228 об.

тов питания и т.д.²⁸ В 1898 г. деятельность Комиссии была свернута из-за финансовых проблем, возникших у Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества.

Следует подчеркнуть, что организация работы станов Киргизской миссии в Уральской и Тургайской областях происходила в условиях массовой крестьянской миграции из европейских губерний России. Темпы роста православных жителей в регионе оказались значительно выше темпов формирования церковно-приходской системы и храмового строительства. В сложившейся ситуации миссионерские церкви, построенные в станах Киргизской миссии Оренбургской епархии, стали центром притяжения православных крестьян. Достаточно быстро они превратились в полиэтничные, а служащие миссии перешли к выполнению функций приходских священников.

Например, на невозможность проведения миссионерской пропаганды среди казахов из-за наплыва крестьян-переселенцев в конце XIX в. жаловался миссионер Макарьевского стана Оренбургской епархии Г. Крашенинников. В своем письме Оренбургской консистории он подчеркивал, что исполняет православные требы для жителей шести переселенческих поселков, а также контролирует деятельность нескольких церковно-приходских и миссионерских школ. Г. Крашенинников подчеркивал, что занят исключительно исполнением обязанностей приходского священника и не имеет возможности заведовать Макарьевским миссионерским станом. В своем ходатайстве он просил епархиальные власти назначить в стан дополнительно второй причт, однако, как свидетельствуют источники, его предложение не нашло поддержки²⁹.

Действительно, Оренбургский епархиальный комитет Православного миссионерского общества призывал миссионеров продолжать выполнять обязанности приходских священников. Его позиция основывалась на том, что удовлетворение религиозных нужд крестьян-переселенцев является составной частью их работы. За этой завесой крылась еще одна причина нерешительности епархиальных властей в изменении ситуации. Расширение штата Киргизской миссии было невозможно из-за финансовых проблем у Оренбургского комитета Православного миссионерского общества. Единственное, что он смог сделать – это рекомендовать привлекать на службу в Киргизскую миссию (без материального вознаграждения) священников из соседних приходов, расположенных в казахской степи вблизи ее станов. Они призывались оказывать помощь «соседам»-миссионерам, а именно проводить церковные службы, внебогослужебные беседы и чтения, распространять литературу миссионерского содержания среди казахов³⁰.

Вполне очевидно, что сложившаяся ситуация корректировала работу православных миссионеров, а в некоторых случаях делала ее фактически невозможной. В связи с этим деятельность Киргизской миссии никогда не оценивалась количественными показателями. В своих годовых отчетах миссионеры иногда вообще не указывали число крещений среди казахов. Из отрывочных данных мы можем констатировать, что в 1893 г. Миссии удалось обратить в православие 16 казахов, 1898 г. – 4, в 1901 г. – 21, в 1903 г. – 21, в 1906 г. – 2, в 1910 г. – 1, в 1915 г. – 7 казахов. Установить общее количество крещений за весь период существования Киргизской миссии Оренбургской епархии не представляется возможным. Но даже исходя из имеющихся данных можно утверждать, что, несмотря на все усилия миссионеров, не произошло массового перехода кочевников в лоно православия.

²⁸ ГАОрО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 5. Л. 33–34 об.

²⁹ Там же. Л. 182 об. – 183 об.

³⁰ Там же. Д. 158. Л. 52.

Несколько противоречит выявленной тенденции в работе Киргизской миссии сообщение миссионера Макарьевского поселка в отчете за 1917 г. о том, что на его территории проживало около 250 новообращенных казахов. При этом он подчеркивал успешность процесса русификации среди них как в духовном, так и в материальном плане³¹. Получив земельный надел, новокрещенные прекращали вести кочевой образ жизни, оседали и начинали заниматься земледелием. Русификация проявлялась также в появлении у них стационарных домов, интерьер которых соответствовал русской традиции и включал в том числе божницу со святыми иконами³². Столь быстрая русификация объяснялась миссионерами совместным проживанием новокрещенных с русским населением и постоянными контактами между ними³³.

В целом, представляется, что даже если в пределах Макарьевского стана Киргизской миссии в 1917 г., действительно, проживало указанное количество новообращенных казахов, это не меняет общей картины. Анализ количественных показателей, общей ситуации, в которой пришлось работать миссионерам, позволяет сделать вывод о низкой эффективности православной пропаганды среди казахского населения Тургайской и Уральской областей. Косвенным свидетельством данного тезиса является и тот факт, что на рубеже XIX–XX вв. в уральской и тургайской степях происходил рост влияния ислама на повседневную жизнь казахоскотоподов. Усилия Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества, направленные на предотвращение исламизации региона, оказались напрасными.

Деятельность Киргизской миссии Оренбургской епархии по организации церковно-школьного образования

В соответствии с поставленными задачами важным направлением работы Киргизской миссии Оренбургской епархии стало создание системы миссионерского школьного образования. Целенаправленно при станах Миссии велось строительство помещений для школ, формировался штат учителей. Большое внимание Епархиальный комитет Православного миссионерского общества уделял привлечению к обучению в миссионерских школах казахских детей. Учитывая кочевой образ жизни их родителей, Комитет пошел по пути создания на собственные средства сети интернатов при миссионерских школах Киргизской миссии³⁴. Такая система позволяла учащимся постоянно находиться и проживать в школе, покидая ее пределы лишь на время каникул.

В школах Киргизской миссии использовалась четырехгодичная программа обучения, автором которой являлся профессор Казанского университета Н. Ильминский. Использование данной программы обосновывалось рядом причин. Во-первых, следует учитывать тот факт, что во второй половине XIX в. имперское правительство исходило из понимания того, что единства и стабильности в полинациональном и поликонфессиональном государстве можно добиться и сохранить при условии такой идеологии, основные идеи которой будут воспроизводиться в рамках унифицированной системы народного образования. Поэтому государство предпринимает ряд важных шагов по организации правовой основы функционирования такой системы. В 1864 г. издаются «Устав гимназий и прогимназий», «Положение о народных училищах», в которых оговаривается введение доступного образования путем создания как светских (земские школы и училища), так и церковных

³¹ ГАОрО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 183 а. Л. 267 об.

³² Там же. Д. 153 а. Л. 11 об.

³³ Там же. Д. 183 а. Л. 269.

³⁴ Там же. Д. 11 а. Л. 4.

учебных заведений (церковно-приходские училища и школы), в которых могли обучаться дети разных сословий, национальной и религиозной принадлежности. Обучение в гимназиях было платным.

В целях решения проблемы расширения образовательного пространства для «инородцев» создается в 1866 г. Особый комитет по инородческому образованию при управлении Казанского учебного округа, который возглавил талантливый педагог, миссионер, знаток восточной культуры Н.И. Ильминский. Под его руководством были разработаны «Правила о мерах к образованию населяющих Россию инородцев», в основу которых легла знаменитая «система Ильминского».

«Правила» предусматривали совместное обучение русских детей и детей «инородцев» на русском языке, но при условии необходимых пояснений на национальном языке (татарском, казахском, башкирском), поэтому основным требованием к педагогическому составу таких учебных заведений было обязательное знание «инороднического» языка, чаще всего татарского или казахского.

Разработанная Н.И. Ильминским методика преподавания преследовала в том числе цель овладения учащимися навыков разговорной речи и письма на русском языке и их приобщения к русской православной культуре как культуре империиобразующей нации. Не удивительно поэтому, что служащие Киргизской миссии в процессе занятий уделяли большое внимание воспитанию учащихся «в духе православия и русской народности»³⁵. Это обусловило вторую причину обращения Русской православной церкви к опыту Н.И. Ильминского. Следует также подчеркнуть, что РПЦ в исследуемый период была одним из институтов, который находился в системе тесного взаимодействия с государством и через который имперская власть осуществляла свою внутреннюю политику. Поэтому в миссионерских школах РПЦ напрямую реализовывался принцип совместного обучения русских и казахских детей. Как отмечалось, при организации этих школ не существовало каких-либо ограничений по религиозному признаку³⁶.

Анализ ежегодных отчетов о деятельности Киргизской миссии позволяет выявить общее количество учащихся в ее миссионерских школах. Так, в 1899/1900 учебном году в Миссии обучалось 188 детей, в 1915/1916 учебном году – 150 детей. В одном классе занимались русские, казахи, мордва, чуваш³⁷.

Однако необходимо отметить, что формирование миссионерской школьной системы в Уральской и Тургайской областях в конце XIX – начале XX в. по времени совпало с трансформацией представлений правящей имперской элиты о ее месте и роли в реализации задачи империистроительства. В политической риторике официальных властей все чаще звучала мысль о том, что все религии России являются частью единой религиозной системы, призванной обеспечить этноконфессиональную стабильность в государстве.

Возможно, причиной этому был факт невысокой эффективности миссионерской деятельности Русской православной церкви среди мусульман империи, в том числе среди казахов. Поэтому дальнейшее просвещение инородцев России планировалось осуществлять без вмешательства в их «духовную и образовательную часть». Однако следует отметить, что основные направления образовательной политики государства все же были связаны с утверждением такой системы образования для нерусских народов, которая способна была активно интегрировать нерусское (в дан-

³⁵ ГАОрО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 5. Л. 173.

³⁶ Оренбургские епархиальные ведомости. 1907. № 45–46. 15 ноября. С. 312.

³⁷ *Лысенко Ю.А.* Оренбургский епархиальный Комитет православного миссионерского общества: попытка организации миссионерства в крае // Известия Алтайского государственного университета. 2009. №4/2. С. 126–135.

ном случае казахское) население в социально-экономическое и политическое пространство империи.

Казахи, прошедшие обучение в начальных русско-казахских школах, имели возможность продолжить свое образование в учебных заведениях среднего уровня, получить административные должности в системе управления Казахской степи, стать учителями начальных школ и т.д. Таким образом, как пишет С.В. Любичанковский, «казахский народ получил... фундамент для развития прослойки людей не просто грамотных, но претендующих на статус интеллигенции»³⁸.

Удар по традиционной инородческой/мусульманской школе предлагалось нанести противопоставлением ей системы светского школьного образования, траектория развития которой и контроль за ее функционированием возлагались на Министерство народного просвещения. По мнению представителей российской политической элиты, в условиях конкуренции с «прогрессивной» государственной школой мусульманская «консервативная и реакционная» школа должна была утратить доверие у казахского населения³⁹, и постепенно ее роль должна быть все менее значимой в духовной жизни казахского общества.

Исходя из данного тезиса, в начале XX в. в казахской степи активизировался процесс открытия начальных школ грамоты и аульных школ, который по темпам и размерам государственных инвестиций значительно превышал темпы миссионерского школьного строительства. Так, например, к моменту создания автономной Оренбургской губернии в 1865 г. на ее территории функционировали 3 средних, 5 неполных средних учебных заведений и 161 начальная школа с общей численностью учащихся 6,5 тыс. человек. К 1911 г. их численность возросла и насчитывала 16 средних, 9 неполных средних учебных заведений, 1416 начальных школ. При этом количество школьников возросло до 100 тыс. человек. Как отмечали учителя миссионерских школ Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества, народные школы грамоты и начальные школы Министерства народного просвещения были более популярны у казахского и русского населения Уральской и Тургайской областей. Привлекательность им придавал более длительный курс обучения, а также дополнительные курсы, по окончании которых выпускники школ имели возможность продолжать образование в средне-специальных учебных заведениях. Значительную роль при выборе учебного заведения играл и конфессиональный фактор. Миссионерские школы на религиозно-ментальном уровне вызывали отторжение у мусульманского казахского населения, в том числе из-за опасения, что детей будут насильственно обращать в православие.

Киргизская миссия Оренбургской епархии в годы революционных потрясений в России

Политический и социальный кризисы в России в начале XX в., приведшие к Первой русской революции, крайне отрицательно отразились на работе Киргизской антиисламской миссии Оренбургской епархии. Следствием данных событий стало фактическое прекращение финансирования Миссии. Это повлекло за собой закрытие в 1906 г. Александровского стана и ограничение работы Киргизской миссии в пределах сохранившихся двух станов – Макарьевского и Актюбинского. Вторым не менее важным следствием политического кризиса в стране стал отток новокрещенных из станов миссии и фактическое прекращение обращений в православие казах-

³⁸ Любичанковский С.В. Политика аккультурации средствами просвещения исламских подданных Российской империи: исторический опыт Оренбургского края (середина XIX – начало XX в.). Оренбург, 2018. С. 209.

³⁹ Батунский М.А. Россия и ислам. М., 2003. С. 404–406.

ского населения. Это было связано, безусловно, с набиравшей темпы консолидацией мусульман России в годы революции и интеграцией в данный процесс казахов.

Последовавшая стабилизация общественно-политической ситуации в стране после 1907 г. давала Оренбургским епархиальным властям надежду на возрождение миссионерской деятельности. В этот период Епархиальный комитет Православного миссионерского общества и Киргизская миссия прилагали значительные усилия, направленные на совершенствование работы и улучшение религиозной пропаганды среди казахского населения и новокрещеных, стремились к поиску новых и стабильных источников финансирования т.д. Сотрудники миссии организовывали переводы и издание православной литературы на казахский язык, привлекали местное население к работе в миссии⁴⁰. Для решения кадровой проблемы рассматривалась возможность создания в Оренбургской епархии миссионерского института, в программу которого предлагалось включить дисциплины, направленные в том числе на формирование у слушателей навыков ведения православной пропаганды среди мусульман⁴¹. Однако все предпринимаемые Оренбургским комитетом меры носили превентивный характер и, конечно, не могли реанимировать православие в казахской степи в полном объеме. Предложенный им комплекс мероприятий так и не был реализован.

Начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война объективно создавала дополнительные трудности в работе Киргизской миссии Оренбургской епархии. На общем фоне экономического кризиса резко сократилось финансирование миссионерских структур со стороны Синода и Православного миссионерского общества. В новых условиях руководство Киргизской миссии было вынуждено начать сокращение штата, закрывать миссионерские школы и интернаты. Миссионерам перестали выплачивать жалование, и их работа на поприще православного миссионерства приобрела формальный характер. После Октябрьской революции 1917 г. деятельность Киргизской миссии Оренбургской епархии полностью прекратилась.

Выводы

Анализируя итоги деятельности Киргизской православной миссии в Уральской и Тургайской областях Оренбургского края, отметим, что нельзя оценивать ее результаты однозначно. Безусловно, в свете реализации интеграционных устремлений Российской империи и активного включения в орбиту ее интересов данного этнорегиона деятельность Миссии была направлена на закрепление позиций государства и Русской православной церкви в его культурно-религиозном пространстве.

С данной точки зрения работа миссионеров сводилась не только к проповеди православного учения, но и к привлечению широких слоев населения Оренбургского края к миссионерской деятельности посредством организации кружков, курсов, отделений Всероссийского православного миссионерского общества. Кроме этого, в широком смысле слова миссионерством можно назвать церковно-приходское и церковно-школьное строительство Киргизской миссии, способствовавшее закреплению религиозно-нравственных начал русского православного населения. Благодаря этому духовным властям региона удалось пресечь массовый переход русских крестьян-переселенцев в раскол, сектантство и ислам, добиться успешной адаптации институтов Русской православной церкви в культурно-религиозном пространстве и избежать конфронтации с другими религиозными системами.

В узком смысле православное миссионерство в казахской степи имело менее значимые результаты. Оренбургским епархиальным властям удалось создать целую

⁴⁰ Оренбургские епархиальные ведомости. 1907. № 43. 25 октября. С. 282.

⁴¹ ГАОрО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 183 а. Л. 271 об. – 272 об.

сеть миссионерских структур антиисламской направленности, решить языковую проблему и организовать переводческую деятельность христианской литературы на казахский язык. Однако снизить масштабы влияния ислама на казахское общество миссионерам не удалось. На протяжении всего периода функционирования Киргизской миссии происходил неизменный рост влияния ислама на все сферы жизнедеятельности казахского общества, формировалась социальная группа казахских мулл, увеличивалась численность мусульманских культовых и религиозно-образовательных учреждений. Обыденным стало паломничество казахов к исламским центрам Российской империи и Турции.

Причины низкой эффективности православного миссионерства в Оренбургском крае, на наш взгляд, кроются в целой совокупности проблем. Среди них: этнопсихологические особенности казахского населения, детерминированные хозяйственно-культурным типом и отрицающие возможность восприятия ими христианских догм; наличие в регионе хорошо финансировавшегося исламского миссионерства; слабое развитие системы церковно-приходских школ, недостаточное финансирование миссионерства РПЦ со стороны государства и т.д. Представляется, что указанные проблемы носили объективный характер и предопределили низкую эффективность работы Киргизской миссии.

Рукопись поступила: 25 февраля 2020 г.

Submitted: 25 February 2020.

Библиографический список

- Батунский М.А.* Россия и ислам. М.: Прогресс-традиция, 2003. 600 с.
- Дамешек Л.М.* Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX в.). Иркутск: Иркутский университет, 1986. 164 с.
- Есикова Е.М.* Николай Сейфуллин – священник-миссионер Оренбургской епархии рубежа XIX–XX вв. // Макарьевские чтения. Горно-Алтайск: Издательство Горно-Алтайского университета, 2006. С. 46–54.
- Есикова Е.М.* Миссионерская деятельность Русской православной церкви среди нехристианского населения Оренбургской епархии: 1859–1917 гг. Челябинск: Челябинский университет, 2010. 23 с.
- Зырянов П.Н.* Православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М.: Наука, 1984. 224 с.
- Ильминский Н.И.* О системе просвещения инородцев и о Казанской Центральной крещено-татарской школе. Казань: П.В. Щетинкин, 1913. 135 с.
- Клибанов А.И.* История религиозного сектантства в России (60-е гг. XIX – начало XX в.). М.: Наука, 1965. 348 с.
- Красников Н.П.* Социально-этические воззрения русского православия в XX веке. Киев: Выща школа, 1988. 177 с.
- Лебедев Е.Е.* Единоверие в противодействии русскому обрядовому расколу. Новгород: Типография Селиванова, 1904. 28 с.
- Любичанковский С.В.* Политика аккультурации средствами просвещения исламских подданных Российской империи: исторический опыт Оренбургского края (середина XIX – начало XX в.). Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2018. 236 с.
- Лысенко Ю.А.* Оренбургский епархиальный Комитет православного миссионерского общества: попытка организации миссионерства в крае // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4/2. С. 126–135.
- Лысенко Ю.А.* Миссионерство Русской православной церкви в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX в.). Барнаул: Азбука, 2010. 188 с.
- Миронов Б.Н.* Историческая социология истории. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2009. 536 с.
- Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное Обозрение, 2010. 248 с.

- Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск: Наука, 1975. 308 с.
- Никольский Н.М. История русской церкви. М. – Л.: ОГИЗ, 1931. 465 с.
- Панов П. Миссионерское служение Оренбургской духовной семинарии: история и современность // Сборник трудов Якутской духовной семинарии. 2019. № 6. С. 53–58.
- Прозич Т. Культурная гегемония, религия и Русская революция 1917 года // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. № 1–2. С. 622–642.
- Соколов В. Православный миссионер в киргизских аулах Тургайской области // Оренбургские епархиальные ведомости. 1894. № 10. С. 227–251.
- Софронов Ю.В. Три века сибирского миссионерства. Тобольск: ГОУ ВПО «Тобольского государственного педагогического института им. Д. И. Менделеева», 2005. 287 с.
- Чернавский Н.М. История Оренбургской епархии в прошлом ее и настоящем. Оренбург: Типография Оренбургской духовной консистории, 1904. 346 с.
- Шорохов Л.П. Церковь в Сибири в конце XVI–XVIII вв. Новосибирск: Новосибирский университет, 1971. 21 с.

References

- Batunskiy, M.A. *Rossiya i islam*. Moscow: Progress-traditsiya Publ., 2003 (in Russian).
- Chernavskiy, N.M. *Istoriya Orenburgskoy yeparkhii v proshlom yeye i nastoyashchem*. Orenburg: Tipografiya Orenburgskoy dukhovnoy konsistorii Publ., 1904 (in Russian).
- Dameshek, L.M. *Vnutrennyaya politika tsarizma i narody Sibiri (XIX – nachalo XX v.)*. Irkutsk: Reprotsentr Publ., 1986 (in Russian).
- Il'minskiy, N.I. *O sisteme prosveshcheniya inorodtsev i o Kazanskoy Tsentral'noy kreshcheno-tatarskoy shkole*. Kazan: P.V. Shchetinkin Publ., 1913 (in Russian).
- Klibanov, A.I. *Istoriya religioznogo sektantstva v Rossii (60-ye gg. XIX – nachalo XX v.)*. Moscow: Nauka Publ., 1965 (in Russian).
- Krasnikov, N.P. *Sotsial'no-eticheskiye vozzreniya russkogo pravoslaviya v XX veke*. Kiyev: Vyscha shkola Publ., 1988 (in Russian).
- Lebedev, Ye.Ye. *Yedinoveriye v protivodeystvii russkomu obryadovomu raskolu*. Novgorod: Tipografiya Selivanova Publ., 1904 (in Russian).
- Lyubichankovskiy, S.V. *Politika akkul'turatsii sredstvami prosveshcheniya islamskikh poddannyykh Rossiyskoy imperii: istoricheskiy opyt Orenburgskogo kraya (seredina XIX – nachalo XX v.)*. Orenburg: Izdatel'skiy tsentr OGAU Publ., 2018 (in Russian).
- Lysenko, Yu.A. “Orenburg Diocesan Committee of the Orthodox Missionary Society: an attempt to organize missionary work in the region.” *Izvestiya of Altai State University*, no. 4/2 (2009): 126–135 (in Russian).
- Lysenko, Yu.A. *Missionerstvo Russkoy pravoslavnoy tserkvi v Kazakhstane (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)*. Barnaul: Azbuka Publ., 2010 (in Russian).
- Mironov, B.N. *Istoricheskaya sotsiologiya istorii*. St. Petersburg: Izdatel'skiy dom Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2009 (in Russian).
- Miller, A.I. *Imperiya Romanovykh i natsionalizm. Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya*. Moscow: Novoye literaturnoye Obozreniye Publ., 2010 (in Russian).
- Minenko, N.A. *Severo-Zapadnaya Sibir' v XVIII – pervoy polovine XIX v.* Novosibirsk: Nauka Publ., 1975 (in Russian).
- Nikol'skiy, N.M. *Istoriya russkoy tserkvi*. Moscow–Leningrad: OGIZ Publ., 1931 (in Russian).
- Panov, P. “Missionary Service of the Orenburg Theological Seminary: History and Modernity.” *Collection of works of the Yakut Theological Seminary*, no. 6 (2019): 53–58 (in Russian).
- Prozich, T. “Cultural Hegemony, Religion and the 1917 Russian Revolution.” *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*, no. 1–2 (2019): 622–642 (in Russian).
- Sokolov, V. “Pravoslavnyy missioner v kirgizskikh aulakh Turgayskoy oblasti.” *Orenburgskiy yeparhial'nyye ведомости*, no. 10 (1894): 227–251 (in Russian).
- Shorokhov, L.P. *Tserkov' v Sibiri v kontse XVI–XVIII vv.* Novosibirsk: Novosibirskiy universitet Publ., 1971 (in Russian).
- Sofronov, Yu.V. *Tri veka sibirskogo missionerstva*. Tobol'sk: GOU VPO «Tobol'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. D. I. Mendeleyeva» Publ., 2005 (in Russian).
- Yesikova, Ye.M. “Nikolay Seyfullin – svyashchennik-missioner Orenburgskoy yeparkhii rubezha XIX–XX vv.” In *Makar'yevskiy chteniya*, 46–54. Gorno-Altaysk: Izdatel'stvo Gorno-Altayskogo universiteta Publ., 2006 (in Russian).

Yesikova, Ye.M. *Missionerskaya deyatel'nost' Russkoy pravoslavnoy tserkvi sredi nekhristianskogo naseleniya Orenburgskoy yeparkhii: 1859–1917 gg.* Chelyabinsk: Chelyabinskiy universitet Publ., 2010 (in Russian).

Zyryanov, P.N. *Pravoslavnaya tserkov' v bor'be s revolyutsiyey 1905–1907 gg.* Moscow: Nauka Publ., 1984 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Лысенко Юлия Александровна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры востоковедения Алтайского государственного университета

Yuliya A. Lysenko, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Associate Professor, Professor of the Department of Oriental Studies, Altai State University.

Ефименко Марина Николаевна, доктор философских наук, профессор кафедры истории России Оренбургского государственного педагогического университета.

Marina N. Efimenko, Doktor Filosofskikh Nauk [Dr. habil. Phil.], Professor of the Department of Russian History, Orenburg State Pedagogical University.